

— Я так долго не бывал дома, что совсем позабыл о покое наших дам, — мягко проговорил Цзин Юньшу. — Моя оплошность. И пусть я слаб здоровьем и боюсь холода, а в моих сундуках лежат лишь теплые вещи, раз уж тетушка Ли настаивает... Пожалуй, стоит открыть их и проверить при всех. Вдруг там и правда найдется нечто, способное смутить женский взор? Матушка, что скажете?

В глазах домочадцев Юньшу оставался безвестным юношей, владеющим скромной лавкой. Госпожа Ван, долгие годы державшая в своих руках бразды правления усадьбой, и думать не желала о его пожитках. Сейчас она смотрела на Ли Ацзяо как на умалишенную. Даже если бы пасынок привез с собой несметные сокровища, неужели эта выскочка рассчитывала прибрать их к рукам? Сама старшая госпожа ни за что не опустилась бы до грабежа бесправного наложничьего сына, а тут безродная девка, едва переступив порог, требует досмотра. Допусти такое — и по городу поползут слухи, будто законная супруга давно почилла или лишилась ума, раз позволяет прислуге хозяйничать в доме.

Госпожа Ван любила наблюдать за чужими распрями со стороны — праздная жизнь в четырех стенах навевала скуку, — но лишь до тех пор, пока пламя не подбиралось к ее собственным покоем. Мелочные капризы и глупость Ли Ацзяо вызывали у нее лишь брезгливость. Потакать этой выскочке она не собиралась.

Услышав вопрос Юньшу, матушка Ван не пожелала становиться чужим послушным орудием.

— Женщины в задних покоях заперты, ума у них немного, — холодно отозвалась она. — Тебе, Саньлан, не пристало опускаться до их уровня. Ступай обустраивайся. Бабушка заждалась тебя, с самого утра только о твоём приезде и толкует.

— Благодарю за понимание, матушка. Позвольте откланяться.

Они направились вглубь поместья, к Двору Чистого Бамбука. На повороте Чжихуа украдкой оглянулась на оставшуюся позади наложницу, которая в бессильной злобе терзала шелковый платок.

— Молодой господин, кто эта женщина? — спросила служанка. — Смотрит на нас так, словно мы ей поперек горла встали.

— Людей в этой усадьбе много, и языки у них длинные, — не оборачиваясь, ответил Юньшу. — Вспомните все, чему вас учили старые наставницы. Держитесь безупречно, чтобы никто не смел упрекнуть вас в невежестве. Особенно ты, Чжихуа. А ты, Чжили, присматривай за ней.

Чжихуа недовольно надула губы.

— Слушаюсь, господин.

Управляющий Ван, долгие годы ведавший делами усадьбы, пользовался среди слуг непререкаемым авторитетом, однако держать себя нагло с господами не смел. Слишком уж он был умен и изворотлив, чтобы совершать подобные глупости.

Хотя хозяин дома, Юнь Буши, недолюбливал третьего сына, старая госпожа души в нем не чаяла. В свое время она благоволила матушке Ань и ее дочери, Юнь Жуцзинь, и эта любовь невольно перенеслась на Юньшу. Каким бы своенравным ни был Юнь Буши, преступить законы сыновней почтительности он не решался, а потому в мелких делах всегда уступал матери. Ее слово по-прежнему имело вес в семье.

Потому и Двор Чистого Бамбука не стоял заброшенным — его успели привести в порядок к приезду молодого барина. Ван Фу позаботился о том, чтобы комар носа не подточил.

Юньшу огляделся вокруг. Обитель выглядела вполне сносно.

— Старая госпожа лично распорядилась подготовить покои, — угодливо заговорил управляющий Ван. — Молодой господин, по вкусу ли вам?

— Благодарю за заботу, управляющий, — вежливо отозвался Юньшу и шагнул через порог спальни.

Оставшись во дворе, Чжили щедро одарила слуг, тащивших сундуки, — каждому досталось по серебряному листу. Управляющему Вану она вложила в ладонь увесистую золотую бусину.

— Спасибо за труды, почтенный, — с мягкой улыбкой проговорила девушка, указывая на стоявшего рядом мужчину средних лет. — Позвольте представить: это Чэнь Лян. Молодой господин назначил его распорядителем в нашем дворе.

Чэнь Лян почтительно поклонился, сложив руки перед грудью.

— Рад знакомству. Надеюсь на ваше благорасположение к приезжему.

Ван Фу поспешно ответил поклоном, изображая крайнее смирение.

— Что вы, что вы! Люди молодого господина не могут быть плохи. Если что-нибудь понадобится — только шепните, я всегда на переднем дворе. Не смею больше тревожить его покой.

— Счастливого пути, управляющий, — напутствовала его Чжили.

Едва за управляющим закрылись ворота, Чэнь Лян запер засов.

— Ишь, как гнется, лис прижимистый, — фыркнула Чжихуа.

Чжили легонько щелкнула подругу по лбу.

— Попридержи язык. Молодой господин только что велел быть осторожнее. Не ровен час, навлечешь беду. Здесь тебе не Юньань, где мы сами себе хозяева.

Привезенные из Юньани слуги принялись за работу. Все действовали слаженно и споро. Чжили велела двум местным девчонкам заняться кухней, а Чэнь Лян тем временем внес в комнату жаровню с углями.

— Вот, согреем комнату, — довольно произнес он. — Хорошо, что девица Чжили надоумила взять с собой серебряный уголь. Местный больно уж дымит и чадит — господин из-за него разболеется, раскашляется.

— Не экономь, — отозвалась Чжили, раскладывая вещи. — Растопи еще пару жаровен. А после полудня пришли кого-нибудь в Сад Су, пусть привезут еще припасов, как договаривались в письмах. В этих покоях давно никто не жил, сыростью так и веет. Наш господин едва оправился от недуга, ему нельзя простужаться.

Чжихуа налила в пиалу теплого рисового вина и поднесла ее Юньшу.

— Господин Цинь говорил, что в холода вам не повредят пара глотков сладкого вина. Выпейте, согрейтесь, а мы пока выстудим из покоев всю сырость.

Тем временем у ворот усадьбы застыли два всадника.

— Ваше Высочество, — нарушил молчание Шэнь Сунсюнь, прождав без малого четверть часа.
— Тот юноша уже вряд ли выйдет. Пора возвращаться.

Они тайно следовали за кавалькадой из пяти повозок до самой усадьбы, над воротами которой красовалась вывеска: «Поместье Юнь».

Шэнь Сунсюнь прекрасно знал, кому принадлежит этот дом, и относился к его хозяину с изрядной долей пренебрежения. Глава семейства, Юнь Буши, когда-то тщетно пытался снискать расположение его деда. По мнению Сунсюня, этот чиновник не отличался умом: едва осилил государственные экзамены, а в придворных интригах и вовсе смыслил мало. Если бы не давняя заслуга с изобретением дешевой бумаги, он до конца дней не поднялся бы выше шестого ранга.

Но Шэнь Сунсюнь и не подозревал, что в этой посредственной семье прячется столь утонченный юноша. Родственник из провинции?

У Чэнсюань бросил последний взгляд на вывеску, развернул коня и пустил его вскачь. Спутник поспешил за ним. Вскоре они вернулись на постоянный двор, где остановились на время пребывания в Янчжоу.

Заметив, что принц наконец избавился от странного оцепенения, Шэнь Сунсюнь решился спросить:

— Ваше Высочество, вы знакомы с этим молодым человеком?

— Да, — коротко обронил У Чэнсюань. — Его зовут Цзин Юньшу. В свое время его лекари спасли меня на северо-западе.

— Цзин Юньшу? — задумчиво повторил Шэнь Сунсюнь. — Никогда о таком не слышал. Зато у Юней есть третий сын, болезненный юноша по имени Юньшу, прославшийся создателем той самой бумаги для утирания. Может, это он и есть, просто пользуется вымышленным именем?

«Юньшу... Болезненный юноша...»

Перед мысленным взором У Чэнсюаня невольно возник образ того прекрасного незнакомца. Он и впрямь казался нежным цветком, а от его одежд исходил едва уловимый аромат целебных трав. Выходит, юноша скрывал свое настоящее имя?

Откинув лишние мысли, принц спросил:

— Ты говорил, принц Ци разыскивает меня?

— О, неужели вы соизволили вспомнить о делах государственных? — с легкой иронией отозвался Шэнь Сунсюнь.

У Чэнсюань проигнорировал подколку и ровным голосом распорядился:

— Отправь приглашение губернатору Янчжоу. Встречу назначим в Саду Су. И разошли пригласительные свитки местной знати, а также сыновьям чиновников не ниже пятого ранга. Хочу лично познакомиться с янчжоускими книжниками.

Шэнь Сунсюнь от неожиданности поперхнулся чаем и закашлялся.

— С кем познакомиться?! С учеными мужами?! — недоверчиво воскликнул он.

В военном деле и ратном искусстве их повелителю не было равных, но в изящной словесности он не смыслил ровным счетом ничего — не мог связать и двух рифм. При дворе над ним из-за

этого частенько посмеивались, да и сам принц терпеть не мог напыщенных шелкоперов, которые сыпали намеками и оскорбляли так витиевато, что без толковника и не разберешься. С чего вдруг такое рвение лезть в это осиное гнездо?

Немного поразмыслив, Шэнь Сунсюнь догадался о скрытом мотиве и со вздохом покачал головой.

— Ваше Высочество, если вам так хочется увидеть молодого господина Цзина, не проще ли пригласить его одного? Зачем устраивать это представление? А если он вообще не придет? Да и о чем вы станете говорить с янчжоускими грамотеями? Опять разглядывать друг друга в гробовом молчании или обсуждать тактику осады крепостей?

У Чэнсюань на мгновение задумался, он выглядел замешанным, но он упрямо повторил:

— Пригласи всех.

Шэнь Сунсюнь в душе сокрушался над этой самоубийственной затеей. Принц Чу пользовался в народе дурной славой, ученые мужи обходили его стороной. Опасаясь, что хрупкий юноша испугается личного приглашения и ответит отказом, воевода решил созвать целую толпу.

— Сами пойдете на эту плаху, — проворчал Шэнь Сунсюнь, но, взглянув на принца, вдруг осекся.

Суровый воин предательски покраснел.

— С чего это вы так смутились?! — изумился советник.

Поняв, что выдал себя, У Чэнсюань поспешил напустить на себя самый невозмутимый вид.

— Ветер на улице холодный.

Шэнь Сунсюнь обреченно возвел очи к потолку. Они сидели в жарко натопленной комнате уже добрых полчаса! Какой еще холодный ветер? Кожа у принца была такой дубленой, что ее не могли пронять ледяные бури северных степей, а тут в благодатном Янчжоу его вдруг обдало жаром.

«Что ж, рассылай так рассылай. Посмотрим, станет ли этот загадочный господин Цзин благоговейно молчать, как все, или разделит общее высокомерие янчжоуских умников. А может, он и вовсе спасет наше положение?»